

УДК 94(477)+159.953(477)

© **Анатолий ЧАЙКОВСКИЙ**

ИСТОРИЯ ПЛЕНА: ТРАГЕДИЯ И ФАРС

На основе сравнительного анализа рассматривается пребывание в плену советских и немецких солдат в годы Второй мировой войны. Акцентируется противовес двух вражеских идеологий в отношении к военнопленным; осуждается германская доктрина, которая была невероятно жестокой в отношении плененных воинов Красной армии.

Ключевые слова: Германия, Третий рейх, Советский Союз, Красная армия, Вермахт, военнопленные, концлагеря.

Время от времени средства массовой информации Украины будоражат общественность «историческими сенсациями», которые чаще всего относятся к советскому прошлому и, как правило, развенчивая «порочный» политический режим, носят исключительно негативный характер. Казалось бы, чего проще – подойти к освещению нашей непростой истории взвешенно, аналитически, увидев в жизни предыдущих поколений как просчеты, так, несомненно, и положительные стороны. Тем более, оглядываясь в прошлое, заметим, что за каких-то сто лет на их долю выпали тяжелые испытания: три революции, две мировые и гражданская войны, разрухи, голод, репрессии, неустроенность, бедность и нищета, одновременно огромные трудовые свершения, боевой героизм, мужество, отвага и самопожертвование.

В этом контексте обращает на себя внимание публикация «Горечь плена! Немецкие военнопленные в СССР – малоизвестная страница Второй мировой войны» (Зеркало недели. – 2013. – №32 (129). «Справедливости ради следует отметить, – подчеркивает уже в первом ее абзаце некий Сергей Гончаров, – малоизвестна она лишь у нас (под «нами» автор имеет в виду не только Украину, но и всё «постсоветское пространство»)). В отличие от «нас», по его же словам, в самой Германии к «изучению этого вопроса подошли с чисто немецкой основательностью и педантичностью». Уже в 1957 г. в ФРГ была создана научная комиссия по изучению истории немецких военнопленных. С того времени в свет вышли и 15 «пухлых» томов серии «К истории немецких военнопленных во Второй мировой войне», 7 из которых посвящены пребыванию немцев в советском плену.

Учитывая, что в разгроме Третьего рейха решающая роль принадлежит Красной армии¹, а количество немцев, побывавших в плену на территории СССР, в сравнении с союзниками по антигитлеровской коалиции, было значительно большим, то семь, даже «пухлых», томов не столь впечатляют.

Да, собственно, Бог с ними, западными исследователями. Заметим лишь, что число публикаций по истории немецкого плена, в том числе в Украине, не говоря о Российской Федерации, Белоруссии и других республиках бывшего СССР, насчитывает сотни различных изданий. Что же касается упоминаемой статьи, то, по крайней мере, следует высказать некоторые замечания. Судя по всему, уважаемый автор, как и большинство его коллег по перу, далек от исторической науки. Анализируя ее содержание, можно с уверенностью сказать: материал для «исследования» удалось «настричь» из Интернета. В лучшем случае в руки попался сборник документов под редакцией российского профессора М.М. Загорулько «Военнопленные в СССР. 1939–1956». Если это так, жаль, что проигнорирована главная мысль издания, в котором уже в предисловии подчеркивается: невиданно ожесточенный характер Второй мировой войны перевернул традиционное представление о плене и попрали связанные с ним традиции воинской чести. «Политические и военные руководители стран агрессоров превратили плен в продолжение войны. Как следствие, была создана беспрецедентная по своему цинизму технология массового истребления, принудительно-изнурительного труда, физического и морально-психологического подавления как пленных военнослужащих, так и насильно захваченных гражданских лиц оккупированных стран» [1, 9]. С такими выводами нельзя не согласиться.

В подтверждение изложенного несколько примеров. В приказах командования гитлеровского Вермахта (*Wehrmacht*, от *Wehr* – оружие, оборона и *Macht* – сила – вооруженные силы Третьего рейха. – Авт.) требовалось: «В отношении советских военнопленных даже из дисциплинарных соображений следует весьма резко прибегать к оружию. Подлежит наказанию всякий (немец. – Авт.), кто для понуждения к выполнению данного не применяет или недостаточно энергично применяет оружие... С ранеными русскими пленными нечего долго возиться, их надо приканчивать просто на месте... снабжение их питанием... является ненужной гуманностью» [3, 326, 18, 106].

Дополняя картину судьбы советских военнопленных, сошлемся и на начальника Генштаба сухопутных войск Вермахта Франца Гальдера, который писал: «14 ноября 1941 года. 146-й день войны. Молодечно (территория Белоруссии. – Авт.) – русский тифозный лагерь военнопленных. 20 000 человек обречены на смерть. В других лагерях, расположенных в окрестностях, хотя там сыпного тифа и нет, большое количество пленных ежедневно умирает от голода. Лагеря производят жуткое впечатление. Однако какие-либо меры помощи в настоящее время невозможны» [4, 44].

Находясь в советском плену, генерал-лейтенант Курт фон Остеррайх, в свою очередь, свидетельствовал: «Моя деятельность на посту начальника отдела по

¹ Один лишь пример: на 1 июля 1943 г. на советско-германском фронте находились 232 дивизии немецко-фашистских войск общей численностью свыше 4 млн человек. На всех других театрах военных действий количество их личного состава равнялось чуть больше 1 млн [2, 210]. Преимущественно это были охранные и тыловые части Вермахта, а также СС.

делам военнопленных при штабе Данцигского военного округа (в Германии. – Авт.) началась с 1 февраля 1941г. До этого я был командиром 207-й пехотной дивизии, дислоцировавшейся во Франции.

Приблизительно в марте 1941 г. я был вызван в Берлин, где в ставке Верховного главнокомандования (ОКВ – *Obzkommando der Wehrmacht*. – Авт.) состоялось секретное совещание. Проводил его генерал-лейтенант Райнеке, являющийся начальником управления по делам военнопленных при ставке. Под большим секретом генерал Райнеке сообщил: ориентировочно в начале лета Германия вторгается на территорию Советского Союза. В соответствии с этим Верховным командованием разработаны необходимые мероприятия, в том числе по подготовке лагерей для русских военнопленных, которые будут поступать после начала боевых действий на Восточном фронте. Я лично получил от начальника управления задание подготовить на территории Данцигского военного округа лагерь на 50 тыс. военнопленных. При этом он указал, что если на местах не удастся в срок создать лагеря с крытыми бараками, то устраивать их следует под открытым небом. Далее Райнеке дал инструкцию об обращении с пленными, предусматривающую расстрел без всякого предупреждения тех, кто лишь попытается совершить побег...».

По словам Остеррайха, в г. Тори на бывшем военном полигоне «под открытым небом был открыт стационарный лагерь, огороженный колючей проволокой». Для его сооружения привлекались содержащиеся в шталагах ХХ-В23 (лагеря для рядового состава. – Авт.) английские военнопленные. «В июне 1941 г., – вспоминал бывший генерал-лейтенант, – через несколько дней после вторжения Германии в СССР, я получил приказ ставки Верховного командования. В этом документе, так называемом «комиссарен-эрлас»², находившимся в походе немецким воинским частям и администрации лагерей для военнопленных именем фюрера приказывалось поголовно расстреливать военнопленных, принадлежащих к политическому составу Красной армии, а также коммунистов и евреев.

В последующих приказах ставки говорилось, что трупы расстрелянных следует закапывать массами в ямах, а при возможности сжигать, снимая с них опознавательные медальоны. Полученные приказы я передал для исполнения подчиненным мне комендантам шталагов ХХ-В майору Зеегеру, полковнику Больману и подполковнику Дульничу. Выполняя приказ, последний сразу же расстрелял свыше 300 чел. Трупы были зарыты в массовых могилах на кладбище в районе расположения лагеря ХХ-С. В конце 1941 г. или в начале 1942 г. я снова был вызван в Берлин на совещание начальников отделов по делам военнопленных. Проводил его новый начальник управления по делам военнопленных генерал-майор фон Гревенитц. Обсуждался вопрос, как поступить с русскими военнопленными, которые в результате ранений, истощения и болезней были непригодны для использования на работах. По данному вопросу высказалось несколько присутствующих офицеров, в том числе врачи, которые заявили: таких военнопленных надо концентрировать в одном месте – лагере или лазарете – и умерщвлять при помощи яда.

² Имеется в виду «Распоряжение о комиссарах: Директивы об обращении с политическими комиссарами» от 6 июня 1941 г. Более подробно см.: Ш. Датнер. Преступления немецко-фашистского Вермахта в отношении военнопленных... – С. 108–140.

По результатам обсуждения Гревенитц отдал приказание: нетрудоспособных военнопленных умерщвлять, привлекая медицинский персонал лагерей. Возвратившись в Данциг, через Зеегера, Больмана и Дульнича я проводил эти указания в жизнь, предупредив их о том, чтобы умерщвление советских военнопленных производилось весьма осторожно, дабы это не стало известным за пределами лагерей» [5, 36–37].

Получив должность начальника отдела по делам военнопленных при штабе армейской группы Б (образована в июле 1942 г. из части войск группы армий «Юг», действовала на воронежско-сталинградском направлении. Расформирована в феврале 1943 г. – Авт.), фон Остеррайх прибыл в Украину. С огорчением узнал, что приобретенный «опыт» останется невостребованным, ибо умерщвление советских военнопленных с помощью ядов здесь уже применяется давно. Тогда же был получен подписанный Гиммлером совершенно секретный приказ: с августа 1942 г. начать клеймение военнопленных Красной армии заранее обусловленными знаками³.

В собственноручно написанных показаниях Остеррайх констатировал: «Русские военнопленные содержались в лагерях в невыносимо тяжелых условиях, питались плохо, поддавались моральным унижениям, умирали от голода и заболеваний. В шталагах Данцигского военного округа только вследствие истощения и болезней умерло свыше 40 тыс. человек, а в подчиненных мне шталагах в Украине – 6–9 тыс. Должен также указать, что в последнем случае в лагерях одновременно военнопленными в отдельных бараках под арестом содержалось до 20 тыс. советских граждан, взятых в качестве заложников из районов, охваченных партизанским движением. После их умиротворения... работоспособные мужчины и женщины от 17 до 40 лет были вывезены на работы в Германию. Насколько я помню, этой акции тогда поддавалось свыше 10 тыс. человек» [6, 168–177]. В отношении остальных фон Остеррайх умолчал. Об их участи можно только догадываться.

Сошлемся на показания и одного из непосредственных участников войны, бывшего артиллерийского офицера дивизии «Пасубио» 8-й итальянской армии Эудженио Корти. Вспоминая о событиях под Сталинградом, он писал: «Утром (декабрь 1942 г. – Авт.) прошел слух, что немцы расстреляли всех русских пленных. Лишь итальянцы в результате штыковой атаки взяли в плен более 200 человек. Позже слухи подтвердились. До нас даже дошли отдельные детали. Рассказывали, что пленных строили в шеренги по 10 человек, вдоль которых ходил солдат и стрелял. Чаще всего в голову. Насколько мне известно, ни одному из пленных не удалось уцелеть... Свидетели убийства русских пленных рассказывали, что они стояли перед своими палачами высоко подняв головы и ни о чем не просили, но в их глазах металась страх и отчаяние» [7, 107–108].

Официальная статистика свидетельствует: к концу 1942 г. число советских военнослужащих и гражданских лиц, погибших в гитлеровских лагерях, тюрьмах, а также в результате других преступных деяний оккупантов, составило почти 2 млн человек. Но это был еще далеко не предел.

³ Западные историки утверждают: в руках Красной армии оказалось свыше 3 млн немцев, из них около 1,1 млн человек «не пережили русского плена». Профессор М.М. Загоруйко называет цифру в 580 тыс. человек (15 % от всей численности военнопленных). По нашим данным, эта цифра несколько выше – более 700 тысяч.

Исходя из объективной логики военно-политического противостояния, обороняющаяся сторона, в нашем случае прежде всего Советский Союз, должна была прибегнуть к адекватным ответным мерам на действия противника, распространяя в отношении его солдат и офицеров предельно жестокую технологию содержания в неволе. Однако в реальности условия изоляции вражеских военнопленных в советских лагерях, как это ни пытается доказать господин Гончаров, ни в коей мере не были технологией продолжения войны. Даже поверхностный анализ ситуации с пребыванием бойцов и командиров Красной армии, а также гражданских лиц в нацистских лагерях, солдат и офицеров Вермахта, армий его союзников в советских позволяет увидеть существенные различия. Главное из них заключается в том, что во втором случае отсутствовало массовое уничтожение людей. Обращение же с рядовым и командным составом Красной армии по жестокости не имеет мировых аналогов.

По общепринятым военным канонам исчисления боевых и небоевых потерь – умершие от болезней, погибшие в плену, а также в результате несчастных случаев, иных подобных причин считаются небоевыми потерями. Учитывая данный факт, заметим: в период 1941–1956 гг. из общей численности военнопленных немецко-фашистских армий в Советском Союзе умерло (погибло) немногим более 700 тысяч (19 %), из них в Украине свыше 100 тысяч человек ⁴ [5, 12]. Пик смертности пришелся на 1943–1946 гг.

Основная причина летальных исходов – болезни, последствия тяжелых ранений, физические и нервные истощения, дистрофия, обморожение и пр. Факты насильственной смерти в лагерях составляли лишь 1–2 % от их общего числа. В силу различных обстоятельств и причин он был выше в боевых условиях, а также на пути к местам постоянного содержания охраняемого контингента.

Напротив, в шталагах и офлагах (в последних содержались командный и политический составы), а особенно в концлагерях и тюрьмах нацистской Германии ⁵ истреблению подверглись свыше 3,3 млн советских военнопленных (58 % от их общего числа), по иным сведениям – около 4 млн [1, 11]. И это не считая смертей многих тысяч тех, кто оказался в других местах заключений в оккупированных районах СССР, а также на территории Германии и других стран. Не случайно, по

⁴ В зависимости от подчиненности оккупированной территории СССР (оперативный тыловой район групп армий (армий) Вермахта или юрисдикция рейхскомиссаров) шталаги и офлаги подчинялись ОКВ или ОКХ. Исключением стали концлагеря и тюрьмы, которые находились в полном распоряжении РСХА. Внешнюю охрану, а также «внутренний порядок» в них осуществляли специальные подразделения СС соединения «Мертвая голова». Печально общеизвестны наибольшие концлагеря – Дахау, Заксенхаузен, Бухенвальд, Флоссенбург, Маутхаузен и Равенсбрюк. Немалое их количество действовало и на захваченной территории Советского Союза, Польши, Нидерландов, других европейских стран. По данным СС, к концу 1944 г. насчитывалось 20 основных и около 1 тыс. филиалов нацистских «фабрик смерти». Только в одной из них, Бухенвальде, за 8 лет существования (1937–1945 гг.) гитлеровцы уничтожили 56 тыс. человек, преобладающее число из которых были советскими гражданами. В отличие от других, здесь людей не умерщвляли газом. Это был не признак гуманности, а лишь соответствие концлагеря особой целенаправленности. Бухенвальд стал пересыльным пунктом рабов, откуда немецкие промышленные концерны черпали бесплатную рабочую силу. Всего через концлагеря прошло 18 млн человек, 11 млн из которых погибли насильственной смертью [8, 15]. Около 50 % из них были военнопленные.

⁵ Полковник Генерального штаба Вермахта фон Пецольд, находясь в плену, свидетельствовал: «По приказу 6-й армии все военнопленные, находившиеся в районе корпусов и дивизий, были переданы 205-му лагерю военнопленных в Алексеевке. Это было в конце ноября – начале декабря 1942 года. Лагерь должен был разместить и снабдить 3000 человек. В реальности их количество (военнопленных. – Авт.) было в 7 раз больше того, какое могло поместиться здесь вообще. Так наступило ужаснейшее. Смертность все время увеличивалась, лагерь имел страшный вид... Когда в конце января 1943 года Красная Армия освободила лагерь, то было установлено, что 2 200 несчастных (60 % от 3 500 военнопленных) погибли здесь от голода, ослабления и холода» [9, 286–287].

неполным данным, общие людские потери только Украины за годы войны составили 10 млн человеческих жизней. Около 10 % из них были небоевые потери из числа военнослужащих, оказавшихся в плену.

Ради объективности следует отметить и такое: приведенные цифры ни в коем случае не идеализируют положение военнопленных противника в Советском Союзе, особенно в условиях войны. С фанатичной верой и без оной в величие фюрера (дуче, каудило и пр.) или проклиная в душе вместе всех взятых, но, повинаясь столетиями выработанному чувству долга (приказам и командам), миллионы солдат и офицеров армий оси Берлин – Рим – Токио и примкнувших к ним стран беспрекословно шли на войну... и гибли. Пленение в этом случае воспринималось как дар Божий, избавление от ада или ниспосланная свыше возможность искупить свои и чужие грехи. Но это был еще не конец. Находясь за колючей проволокой, эти люди продолжали страдать и умирать от полученных ран, холода, болезней, несчастных случаев, травматизма, а в ряде случаев, чего греха таить, становились жертвами произвола и насилий. Как следствие, из оставшихся в живых вражеских солдат и офицеров после окончания войны домой возвратились далеко не все. Но необходимо помнить и другое: в Советском Союзе, в т. ч. в Украине, число детей, вдов и матерей, которые не дождались из плена своих отцов, мужей и сыновей, оказалось в несколько раз большим.

Анализируя положение советских военнопленных, историк ФРГ профессор Пфеффер ничтоже сумняшеся писал, что «лишь некоторым из них пришлось испытывать большие жестокости, но, как правило, несмотря на отдельные выходки со стороны слишком распущенных людей, обращение с военнопленными было весьма корректным» [3, 327]. Его коллега К. Штрайт в свою очередь считает, что лишь на первый взгляд судьбы военнопленных по обе стороны линии фронта кажутся схожими, поскольку «с обеих сторон десятки тысяч погибли уже во времена горестного пути в лагеря, с обеих сторон миллионная масса сократилась за счет погибших ужасной смертью от голода и эпидемии».

Господин Гончаров идет значительно дальше, подчеркивая, что «в то время, как советские историки всю осуждали нацистов за их отношение к советским военнослужащим, они даже не упоминали, что во время войны преступления против человечности были по обе стороны фронта». Внимание акцентируется на событиях Сталинградской битвы и без каких-либо объяснений утверждается, что в советском плену погибло на 200 тысяч больше пленных, чем об этом свидетельствовала советская официальная статистика. Учитывая данный факт, остановимся на этом вопросе более подробно.

В исторической, а особенно публицистической литературе личность одного из основных разработчиков плана «Барбаросса» – плана агрессии нацистской Германии против СССР фельдмаршала Фридриха Паулюса (в 1940–1941 гг. – обер-квартирмейстер – первый заместитель начальника генштаба ОКХ (Oberkommando des Heeres – главное командование сухопутных сил), а вскоре (январь 1942 г.) командующий 6-й армией Вермахта) нередко подается как «джентльмена» военной поры. В действительности он был далек от идеала. После пленения в оперативных документах советских

спецслужб проходил под кличкой «Сатрап», и это была не случайность. По данным Сталинградской областной государственной чрезвычайной комиссии, летом–зимой 1942 г. части и соединения армии только в областном центре уничтожили транспортный, машиностроительный, сталелитейный, фармацевтический, многие другие заводы и фабрики, 169 предприятий местной промышленности, взорвали более 40 тысяч домов, 55 больниц, 107 школ, средних и высших учебных заведений, огромное число других объектов. От рук его подчиненных, а также специальных команд СС и тайной полиции, действовавших в боевых порядках и тыловых районах 6-й армии, погибли тысячи военнопленных и мирных жителей⁶. В ответ на вопрос, зачем так ожесточенно, по-варварски разрушался город, фельдмаршал лишь нашелся: «Война есть война, я только выполнял приказ высшего командования». Учитывая былые «заслуги», в кругу пленных генералов Паулюс не раз высказывал опасения о возможном привлечении его к ответственности как военного преступника.

Безжалостным он был не только к противнику, но и к своим. 15 сентября 1942 г. тот же Франц Гальдер писал: «Заметны успехи в Сталинграде. На остальном фронте – без перемен». Но уже через несколько дней отметил: «Успехи в уличных боях отрядны, разумеется, не без довольно значительных потерь... Постепенно начинает чувствоваться усталость наступающих немецких войск» [4, 345]. Сталинградская битва стала поворотным пунктом в войне на Восточном фронте. Длилась она пять месяцев и закончилась полным разгромом немецко-фашистских войск. К 19 ноября 1942 г. в окружении оказалась вражеская группировка численностью около 300 тыс. человек. Ее уничтожение началось 23 ноября. Но уже до этого 6-я армия стала испытывать серьезные трудности с обеспечением вооружением, а главное – продовольствием. К середине декабря ситуация приобрела катастрофический характер. В донесениях в генеральный штаб ОКХ командующий группой армий «Дон» фельдмаршал Манштейн подчеркивал: «Положение наших войск. 6-я армия... Количество боеприпасов по наиболее важным видам на 5.12.42 в процентах к первому боекомплекту (содержал запас приблизительно на 3 дня активных боев. – Авт.):... 75-мм танковые пушки обр. 1940 г. – 39,4; 80-мм минометы – 30,8; тяжелые пехотные орудия – 25; 100-мм тяжелые пушки обр. 1919 г. – 21,6...

При сокращении пайка хлеба до 200 гр⁷ имеющегося количества продовольствия хватит: хлеба до 14.12; обедов до 20.12; ужинов до 19.12» [10, 446].

Позже (19 декабря) он сообщил: «Продовольствия в «котле» хватит еще до 22 декабря. Заметно резкое истощение сил солдат. Уже 14 дней они получают по 200 гр хлеба. По сведениям командования армии, основная масса конского состава съедена или погибла от истощения... Состояние войск существенно ухудшилось, что при нынешнем снабжении будет продолжаться в нарастающем темпе» [10, 450].

⁶ Кроме многих других, в 6-й армии имелась еще одна не менее серьезная проблема. Александр Верт: «В ноябре (1942 г. – Авт.) 76 вагонов с зимним обмундированием застряло на станции Ясиноватая, 17 – в Харькове, 41 – в Киеве и 19 – во Львове. Немецкое верховное командование, не желая, чтобы у солдат в Сталинграде зародилась мысль, что они не могут выиграть сражение до наступления зимы, не спешило посылать им зимнюю одежду» [12, 396–397].

⁷ В плену румынский генерал Братеску заявил, что «германские генералы сожрали всех его лошадей». Когда об этом сказали Паулюсу, засмеявшись, он признал: «Это верно, это верно! Я сам ел конину... но и они ели!».

В этот же период (ноябрь 1942 г. – январь 1943 г.) в небе Сталинграда было сбито свыше 700 боевых и транспортных самолетов с продовольствием и вооружением для окруженных войск [11, 81].

Со снижением температуры воздуха до 30 градусов и ниже, по данным полковника Пецоляда, только на немецких боевых позициях ежедневно умирало и замерзало 700–1000 человек, а это пехотный батальон [9, 287]. Не лучшей была ситуация и у союзников. Упомянутый Эдженио Корти писал: «Из 30 тысяч итальянцев, служивших в 35-ом армейском корпусе (8-й итальянской армии. – Авт.), которые были окружены на Дону, около восьми тысяч добрались до Черткова. Вечером 15 января мы произвели подсчет войск. Получилось около семи тысяч... Из «котла» выбралось не более четырех тысяч. Из них, как минимум, три тысячи были ранены или серьезно обморожены. Но и среди уцелевших не было здоровых: нервные расстройства, болезни... Проведя месяц в окружении, весьма неплохой армейский корпус превратился в горстку измученных калек, которые едва могли держаться на ногах. Это были даже не люди, а их тени... жалкое подобие бывших солдат» [7, 285].

Не менее трагической была участь раненых и больных. Крупные армейские немецкие медицинские центры дислоцировались в тылу армии – к западу от Дона. Около Сталинграда и в степи размещались лишь несколько полевых госпиталей и медсанбатов, которые были давно переполнены. Кроме продовольствия, не хватало перевязочных материалов, наркотических средств, медикаментов, хирургических инструментов. Нередко разыгрывались подлинные человеческие трагедии. На пути к Сталинграду можно было увидеть автомашины с пустыми баками, а в кузовах – замерзших раненых. Лютый мороз постепенно гасил едва теплившуюся жизнь в ослабленных телах и душах. Об умерших никто не заботился. Эти страшные могилы постепенно покрывал снег, одевая усопших в белый снежный саван.

Участник Сталинградской битвы врач-стоматолог медико-санитарной роты 297-й пехотной дивизии Георг Курц вспоминал: «В конце января 1943 года пришел приказ позаботиться о больных и раненых, большинство которых из последних сил стекались через развалины Сталинграда в так называемый «блиндаж Тимошенко». Последний представлял собой растянутую на несколько километров систему траншей с прилегающими по сторонам подвальными укрытиями глубиной до 8 метров, которые надежно защищали от бомб и артиллерийских обстрелов. В свое время, когда «блиндаж» использовался как место пребывания штаба русских войск, к нему подвели освещение, водопровод и вентиляцию. Сейчас все это было уничтожено и напоминало опускающиеся в глубину темные дыры, на дне которых лежали обессиленные, грязные, обсевшие вшами люди. На протяжении многих дней они безнадежно ждали еды, воды и медицинской помощи. Поскольку вряд ли кто из них мог выбраться наверх для отправления естественных потребностей, к нам пробивался перехватывающий дыхание тяжелый смрад. Но значительно большим и невыносимо тяжелым испытанием для находившихся там жертв этой жестокой войны была душевная безысходность...

Мы подсчитали находившихся в «блиндаже» людей. Их оказалось свыше 1500 чел. На всех их, голодных, страдающих от жажды, ран и болезней, гарнизонная

комендатура «Центр» выделила ни много ни мало – 75 фунтов ячменя и 12 гиденбургских свечей для освещения. Мне вспомнились слова из Евангелие о чуде умножения хлеба: «но зачем то множество такое».

...29 января в пятницу утром пришли русские. Попав в невыносимые условия, мы буквально их ждали. Для обессиленных, голодных, пораженных обморожениями наших пациентов почти не осталось никакого продовольствия. Медикаменты закончились, и о каком-либо лечении речь уже не шла. Обморожения были настолько сильны, что сотни больных нуждались в ампутации конечностей. Что сделают русские с этой грязной и вонючей массой? Всех расстреляют или попробуют по-другому разрешить невероятно сложную проблему? В соответствии с распоряжением советского офицера, все ходячие, которые находились в «блиндаже Тимошенко», собрались в 6 часов вечера возле выхода, чтобы двигаться в лагерь. Из более полутора тысяч человек это жуткое пристанище покинуло не более 100. Я не имел в наличии никакой дополнительной зимней одежды, а температура – от 25 до 30 градусов ниже нуля. В такой холод впереди нас ждали, судя по всему, достаточно неуютные дни и ночи» [5, 340–341].

«Примерно так выглядела 130 лет назад разбитая армия Наполеона, когда она брела, отступая на запад, – свидетельствовал, в свою очередь, начальник управления личного состава 6-й армии полковник Адам. – Замотанные в одеяла и плащ-палатки, смешковиной и портянками вместо сапог на обмороженных ногах, едва передвигаясь, апатично брели на Восток отмеченные печалью смерти солдаты армии. В них не осталось почти ничего солдатского. Это была павшая духом безоружная толпа. Чтобы спасти ее, нужны были немедленно медицинская помощь, продовольствие и теплые убежища. Каждый день промедления означал, что судьба многих была бесповоротно решена» [13, 216].

В январе 1943 г. после отклонения двух ультиматумов о капитуляции Красная армия перешла в наступление. В условиях, когда безысходность сопротивления проявилась окончательно, а тысячи подчиненных гибли от холода и голода, Паулюс радировал в Берлин: под Сталинградом по-прежнему реет знамя со свастикой, «пусть наша борьба станет для еще не родившихся поколений примером того, как стоять до конца. Германия будет и дальше побеждать! Хайль, мой фюрер!»

В аналитическом заключении (1947 г.) «Принципиальные вопросы операции 6-й армии под Сталинградом» (раздел «Состояние войск») плененный фельдмаршал писал: «Если в начале окружения снабжение состояло из совершенно недостаточного рациона, прежде всего хлеба, то распределение его до середины января производилось весьма организованно... С потерей последних аэродромов (24.1) оно снизилось до невообразимо малых размеров, уже не соответствовало числу людей и почти не распространялось на многих солдат... Начавшееся с 25.1 снабжение воздушным путем в целом оказалось бесполезным. Его объем был слишком незначительным... Трудной проблемой было медицинское обслуживание... Госпитали оказались переполнены, прочие возможности для размещения раненых и больных также были недостаточны. Все подвалы забиты людьми, а в Сталинград ежечасно прибывали

новые больные и истощенные. Все в большей мере становилась заметной нехватка медикаментов и перевязочного материала.

Другим тяжелым бременем как в моральном, так и гигиеническом отношении стало то, что захоронить убитых представлялось невозможным, так как ввиду истощения солдат открытие могил в промерзшей земле стало непосильным...» [10, 484].

В заключение подчеркнул: «В конфликте между послушанием, которое от меня требовалось в сочетании с самыми серьезными предупреждениями, что важен каждый час сопротивления, и человеческим отношением к моим солдатам я полагал тогда, что следует отдать предпочтение послушанию» [10, 484].

Таким образом, жертвами фанатичности Гитлера и непосредственного исполнителя его воли стали десятки тысяч человеческих жизней. Учитывая, что советские госпитали были также переполнены, а лечебно-санитарные службы 6-й армии и ее союзников практически не функционировали, участь обмороженных, больных и раненых солдат и офицеров противника оказалась предрешенной. Между Доном и Волгой для истории кинооператоры запечатлели жуткую картину, одновременно закономерный финал авантюры и безрассудства – вдоль линии фронта, а особенно окружающая Сталинград местность, все было покрыто горами замерзших трупов немцев, венгров, румын и итальянцев...

С 9 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. Вермахт только убитыми потерял свыше 800 тыс. человек, небоевые потери составили почти 200 тысяч. Общие же потери немецко-фашистских войск в ходе гигантского вооруженного столкновения, длившегося 200 дней и ночей, насчитывали 1,5 млн солдат и офицеров [14, 81]. Говоря о пережитых событиях, бывший гитлеровский генерал Зигфрид Вестфаль признал: «Поражение под Сталинградом повергло в ужас как немецкий народ, так и его армию. Никогда прежде за всю историю Германии не было случая столь страшной гибели такого количества войск» [2, 210].

Что же касается общей численности военнослужащих Третьего рейха и его союзников в советских лагерях, а также количества тех, кто по различным причинам не вернулся домой, то здесь существуют определенные сложности, и прежде всего: реальное число тех, кто в ходе войны оказался за колючей проволокой; характеристика причин смертей в условиях плена; процентное соотношение последних. Поставив риторический вопрос: «Сколько же их было?», С. Гончаров предпринял попытку проанализировать данные о численности офицеров и солдат противника в советском плену. Приведя общеизвестные цифры, в конечном итоге признал: «По всей видимости статистические аспекты истории немецких военнопленных в СССР не только до сих пор не закрыты, но и, вероятно, уже никогда не будут закрыты полностью».

Соглашаясь в некоторой степени с данным утверждением, заметим: в ходе войны даже немцы с их педантичностью допускали существенные неточности в учете своих боевых и небоевых потерь, в том числе в отношении военнопленных. Данный факт объясняется различными подходами их учета санитарными органами штабов сухопутных сил, военно-морского флота, Люфтваффе, СС, вспомогательных войск и т.д. Присуще было, в частности, высшему политическому и военному руководству

Рейха занижать собственные потери в живой силе и, наоборот, преувеличивать их у противника. В дневнике Ф. Гальдера от 6 декабря 1941 г. находим: «...Во второй половине дня – доклад у фюрера. Он остановился на анализе соотношения сил... Фюрер весьма внимательно ознакомился с нашими материалами. Он запомнил многие цифровые данные и держит их в голове. В частности, он высказал следующие соображения: «...Наши потери составляют 500 000 человек... Русские потери 8–10 млн человек. Потери русских по меньшей мере в 10 раз превышают наши потери» [4, 98]. Выступая тогда же (11 декабря) в Рейхстаге, Гитлер назвал другие цифры – 767 415 солдат и офицеров, в т. ч. 162 тыс. убитых, 572 тыс. раненых и 33,5 тыс. пропавших без вести. В последнем случае преимущественно подразумевались те, кто оказался в плену. В марте 1943 г., по его данным, безвозвратные потери Рейха (с сентября 1939 г.) изменились не существенно – убитыми считались лишь 542 тыс. человек, в то время как реальные цифры были в несколько раз большими [3, 198]. Шведская газета «Гетеборгсхандельстиднингс» в связи с этим писала: «Если Германия в действительности потеряла бы только полмиллиона человек, то было бы излишним производимое сейчас тщательное прочесывание всей страны в поисках солдат для фронта». За два месяца до бесславного конца нацистский фюрер признал: Германия потеряла 12,5 млн убитыми и ранеными, из которых половина – убитыми [3, 199].

Попытки более точно установить безвозвратные людские потери Германии в период 1939–1945 гг. предпринимались после войны, чего, к сожалению, в силу различных причин не было сделано в СССР. Учитывая раздел бывшего Рейха на оккупационные зоны, а в последующем появление на его территории двух различных по общественно-политическому строю государств, общепринятая их цифра в 10 млн человек, на наш взгляд, представляется существенно заниженной⁸.

Преувеличение потерь, которые понес противник в живой силе и боевой технике, было присуще и советскому руководству. Выступая с докладом, посвященном очередной годовщине Октябрьской революции (ноябрь 1942 г.), Сталин говорил о миллионах пленных немцев. В действительности в более десяти полупустых лагерях НКВД их число составляло лишь немногим больше 19 тысяч⁹.

Ситуация кардинально меняется зимой 1942–1943 гг. после разгрома 6-й армии фельдмаршала Паулюса, 4-й танковой армии генерал-полковника Готта, 8-й итальянской, 3-й и 4-й румынских армий. С ноября 1942 г. по 31 марта 1943 г. только войсками Донского и Сталинградского (Южного) фронтов было пленено свыше 100 тыс. солдат и офицеров противника.

С этого времени численность пленных стала неуклонно увеличиваться. К концу февраля она возросла до 257 тысяч. Из них более половины имели ранения, были

⁸ Во многом по политическим мотивам в послевоенные годы правительство ФРГ старалось не вспоминать о потерях среди гражданского населения от авиаударов союзников СССР по антигитлеровской коалиции. В частности, число жертв Гамбурга во время массированного налета 26 июля 1943 г. составило 55 тыс. человек. На порядок выше они были от авианалета по Дрездену (февраль 1945 г.). Операция англо-американской авиации («Удар грома») прошла при участии 1 400 бомбардировщиков и сотен истребителей. Было сброшено 3 749 т бомб, из них 75 % зажигательных. Безвозвратные потери (убитыми) составили свыше 135 тыс. человек [15, 266; 2, 211–212]. Десятки тысяч получили ранения, ожоги и увечья. «Боевая операция» диктовалась исключительно тем фактом, что крупный промышленный район с центром ядерных исследований попадал под юрисдикцию Красной Армии.

⁹ Более подробно см.: Чайковский А.. Плен. За чужие и свои грехи... – С. 57–146.

обморожены или больны. Нарком внутренних дел СССР Берия вынужден был издать специальный приказ: «1. Вывезти в течение марта с.г. всех военнопленных, находящихся в лагерях НКВД, на приемных пунктах в прифронтовой полосе и 78 500 человек из района Сталинграда, а всего 110 563 чел... 5. Народным комиссарам внутренних дел Узбекской ССР, Казахской ССР, Удмурдской АССР, начальникам УНКВД Свердловской, Челябинской, Молотовской, Карагандинской, Ивановской, Саратовской и Омской областей обеспечить прием и размещение военнопленных в соответствии с п.7 приказа НКВД СССР №00367 от 24 февраля с. г. Начальнику Управления конвойных войск НКВД СССР генерал-майору т. Кривенко организовать охрану военнопленных в пути следования и в лагерях» [5, 108]. Выполнить приказ не удалось. К этому времени многие пленные умерли, другие находились на грани смерти. Из района Сталинграда в лагеря удалось доставить чуть больше 27 тысяч, а из прифронтовой полосы Воронежского и Юго-Западного фронтов и того меньше – из 32 тыс. пленных в живых осталось только около 7 тысяч [5, 109].

Неоднократные заявления в ходе войны «отца народов» о «миллионной массе» военнопленных немцев впоследствии сыграло злую шутку. Стремясь приуменьшить число безвозвратных людских потерь, командование Вермахта погибших солдат и офицеров нередко стало причислять к «пропавшим без вести». Впервые послевоенные годы таких в Германии насчитывали почти 1,5 млн человек. Позже их количество возросло. Официальные документы утверждали: «2 млн немцев находятся в плену или пропали без вести».

Расчеты западногерманских экспертов из службы розыска жертв войны убеждали: из числа «последних 50 % погибли в плену, 25 % полегли в бою, а 25 % продолжают находиться за колючей проволокой». При этом игнорировался тот факт, что из этой огромной массы лишь 100 тыс. человек пребывали в переписке с родными [3, 201].

5 мая 1950 г. ТАСС официально заявило: из немецких военнопленных в СССР осталось лишь 13 532 осужденных за военные преступления (менее 1 % от общего числа освобожденных в 1945–1950 гг.) [3, 200]. Боннское же правительство продолжало требовать возврата «томящихся» в лагерях НКВД». Лишь со временем уточненные архивные данные и другие факты позволили западным историкам большинство «пропавших без вести» причислить к погибшим в сражениях.

Поддав «правовой «экспертизе» «гаагско-женевский вопрос» о международно-правовом статусе военнопленных в условиях Второй мировой войны, Сергей Гончаров утверждает: «Результаты «правового вакуума» (в части неподписания СССР соглашения «О содержании военнопленных» от 27.06.1929 г.) не замедлили сказаться. Условия, установленные сначала Германией к советским пленным, а затем СССР в отношении военнопленных из числа военнослужащих Вермахта и войск СС, а также вооруженных сил союзных Германии государств нельзя было назвать человеческими даже в первом приближении».

В действительности же ситуация была следующей. Правовое положение военнопленных противника в только что начавшейся войне СССР с гитлеровской

Германией и ее союзниками нашло отражение в «Положении о военнопленных», утвержденном постановлением СНК СССР 1 июля 1941 г. [1, 65–68]. Документ состоял из шести разделов: общее положение; эвакуация военнопленных; условия содержания военнопленных и их правовое положение; трудовое устройство военнопленных; уголовная и дисциплинарная ответственность военнопленных; об организации справок и помощи военнопленным. В его содержании во многом ощущается влияние международных правовых актов. Оно гарантировало пленным жизнь и безопасность, нормальное питание, раненым и больным – медицинскую и санитарную помощь. Запрещалось оскорбление и жестокое обращение. В частности (раздел II, п. 7), отмечалось: «Содержание военнопленных (питание, санитарное, медицинское и другое обслуживание) производится: а) до момента поступления военнопленных в приемные пункты лагерей для военнопленных – распоряжением командования армии; б) в дальнейшем – распоряжением органов НКВД СССР» [5, 95].

В отличие от нормативно-правовых актов Третьего рейха, в том числе высшего командования Вермахта об отношении к советским военнопленным, в «Положении...» в целом были соблюдены и учтены основные требования международного гуманитарного права об обращении с теми, кто попал за колючую проволоку, прежде всего Гагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» (18 октября 1907 г.) и Женевской конвенции «О содержании военнопленных». В частности, в ноябре 1941 г. шеф Абвера (военной разведки и контрразведки Вермахта) в заметках по директивным указаниям штаба ОКВ, касающихся советских военнопленных¹⁰, писал его руководителю фельдмаршалу Вильгельму Кейтелю, что «перевод русского закона о военнопленных (имеется в виду положение СНК СССР от 1 июля 1941 г. – Авт.) соответствует основным положениям общего международного права и, более того, положениям Женевского соглашения о военнопленных. Этот закон, бесспорно, не соблюдается русскими войсками на фронте, тем не менее и русский закон, и немецкие распоряжения предназначены главным образом для глубокого тыла. Если даже русский закон вряд ли соблюдается в русском глубоком тылу, то все же остается опасность, что немецкие распоряжения попадут в руки вражеской пропаганды и будут последней противопоставлены русскому закону». Адмирал Канарис подчеркивал, что предусмотренные в немецких распоряжениях меры и вольные рекомендации относительно советских военнопленных должны «привести к произвольным беззакониям и убийствам..., это видно, например, из правил применения оружия в случаях неповиновения караульным командам и их начальникам, не знакомым с языком военнопленных» [16, 104–105]. Резолюция гласила: «Здесь речь идет об уничтожении целого мировоззрения, поэтому я одобряю эти мероприятия и покрываю их. Кейтель».

Вместе с тем «Положение о военнопленных» отличалось от международных договоренностей, в частности от Женевской конвенции, которая содержала 97 статей, регламентирующих пребывание граждан воюющих сторон в плену, в то время как «Положение...» – только 31. В нем четко не предусматривались такие важные

¹⁰ Имелись в виду распоряжение «Об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях военнопленных» и «Памятка об охране советских военнопленных».

вопросы, как нормы питания военнопленных, их раздельное содержание по расовым и национальным признакам, права и выполнение соответствующих религиозных обрядов, обращения к властям с жалобами на режим содержания, обжалования содеянных против них юридических актов, в том числе и смертных приговоров. Отсутствовал также запрет на трудовое использование в целях производства оружия, строительства различного рода оборонительных укреплений и т.д. Эти и другие «упущения» свидетельствовали не в пользу СССР.

В то же время необходимо подчеркнуть: «Положение о военнопленных» даже нельзя сравнить с преступными по своему содержанию и направленности нормативно-правовыми документами, относящимися к судьбе советских военнопленных и интернированных, принятыми гитлеровской Германией и ее союзниками накануне и в ходе войны. К тому же в военные и послевоенные годы общие и специальные разделы «Положения...» неоднократно детализировались, дополнялись или уточнялись постановлениями и решениями ГКО, СНК (СМ) СССР, а также подведомственными актами – приказами и директивами НКВД (МВД), УПВИ (ГУПВИ) НКВД (МВД) СССР. По основным принципиально важным вопросам режима содержания и охраны военнопленных (интернированных), их материального, продовольственного и медико-санитарного обеспечения, а также трудового использования только в 1941–1945 гг. советским правительством было принято около 60 решений, на основании которых разрабатывались ведомственные нормативные акты. В указанный период НКВД (МВД) их издали около 3 тыс. Большинство из них преследовали цель усиления охраны, улучшения условий содержания, медицинского, а также санитарного обеспечения охраняемого контингента.

Справедливости ради следует признать, что нередко практика выполнения заложенных в документах нормативно-правовых норм была далекой от действительности. Не последнюю роль здесь сыграло жестокое отношение гитлеровцев и их союзников к пленным советским солдатам и офицерам, факты, о которых стало известно уже в ходе войны, тяжелое бремя морально-психологических, физических и материальных невзгод Советского Союза в условиях войны и послевоенной разрухи, политика высшего руководства государства касательно роли и места военнопленных и интернированных в решении задач, стоящих перед страной, другие объективные и субъективные факторы.

И все же на Нюрнбергском процессе над нацистскими военными преступниками (1946 г.) свидетельствовал фельдмаршал Паулюс:

– Ваше имя?

– Фридрих-Вильгельм Паулюс.

– Ваша последняя должность?

– Командующий 6-й армией Вермахта.

– Правда ли, что вы читаете лекции в Московской академии Генерального штаба, обучая советских генералов?

Что-то вроде улыбки исказило лицо Паулюса:

– Постарайтесь вспомнить, кто кого победил в этой войне? Есть ли резон в том, чтобы русские генералы выслушивали мои лекции, основанные на горьком опыте?

- А какая у Вас должность сейчас?
- Самая отвратительная – военнопленный.
- Вас привезли сюда из концлагеря?
- Нет. Я живу под Москвой, на даче.
- И чем же вы заняты на этой даче?
- Вспоминаю, рисую. Кормлю белок. Развожу цветы... [17, 600–620].

Чешский журналист из «Руде право» Зденек Кропач записал: «Когда фельдмаршал уходил, не чувствовалось, что он устал. Все такой же уверенный в себе, он шел длинными коридорами в сопровождении советско-американского конвоя». Здесь его перехватил немецкий корреспондент Хейдеккер:

- Один вопрос: как живется пленным в России?
- Хорошо, – ответил Паулюс кратко.
- «Джи-ай» отталкивал Хейдеккера, приказывая ему отойти, но тот не унимался:
- Хорошо? И даже вашим сталинградским?

– Успокойте немецких матерей, – холодно произнес Паулюс. – Напишите в своей газете, что германские военнопленные в России обеспечены гораздо лучше, нежели русские дети. Они были бы счастливы иметь сахарный паек, какой имеют мои солдаты».

И это была правда. С учетом жизненной практики – почти правда. В холодной и разоренной войной стране не хватало многого, порой самого необходимого, а главное – продовольствия...

Как неотъемлемая часть Второй мировой и определяющей ее составной Великой Отечественной войны история военного плена в современных условиях приобрела различную, во многом противоречивую систему взглядов и соответствующих оценок. При этом постепенно начинает нивелироваться и забываться главное: наиболее кровопролитную бойню в истории человечества развязал нацистский Третий рейх при активном участии европейских «демократических» государств и не без помощи США. Достаточно вспомнить слова английского премьер-министра Н. Чемберлена (сентябрь 1938 г.), который по итогам Мюнхенского сговора с Гитлером заявил: «Сколь ужасной, фантастичной и неправдоподобной представляется сама мысль о том, что мы должны здесь, у себя, рыть траншеи и примерять противогазы лишь потому, что в одной далекой стране поссорились между собой люди, о которых нам ничего не известно. Еще более невозможным представляется то, что уже принципиально улаженная ссора может стать предметом войны».

Спустя несколько дней будущий премьер У. Черчилль признал: «Англии был предложен выбор между войной и бесчестием. Она выбрала бесчестие и получит войну». Нужно подчеркнуть и другое: при всех недостатках и просчетах советского высшего политического, государственного и военного руководства, защищая Отечество, народы СССР на себе вынесли основную тяжесть минувшей войны, одновременно спасли и защитили Европу от порабощения и позора. Поэтому и День Победы не приходится отмечать.

Не менее важен и следующий факт: опираясь на национал-социалистическую идеологию в желании поработить весь мир, в отношении советских военнопленных

гитлеровская Германия была чудовищно безжалостной. К счастью, последнее в своей массе не наблюдалось с другой стороны. Более того, в отношении своих граждан, вернувшихся из лагерей Рейха, нередко она была более сурова, чем к вчерашнему противнику. И это, как не прискорбно, также исторический факт.

Источники и литература:

1. *Военнопленные в СССР 1939–1956. Документы и материалы / Сост. М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская / Под ред. М.М. Загорулько. – М.: Логос, 2000. – С. 9.*
2. *З. Вестфаль, В. Крейпе, Г. Блюментрит, Ф. Байерлейн, К. Цейтцлер, Б.Циммерман, Х. Мантейфель. Роковые решения: Пер. с англ. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР. – С. 210.*
3. *Урланис Б.Ц. История военных потерь. – М.: Полигон, 1994. – С. 326.*
4. *Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записки начальника генерального штаба сухопутных войск. 1939–1942. – Т.3. – Кн. 2. – М.: Военное издательство Министерства обороны, 1971. – С. 44.*
5. *Чайковский А.С. Плен. За чужие и свои грехи (Военнопленные и интернированные в Украине. 1939–1953 гг.). – К.: Парламентское издательство, 2005. – С. 36–37.*
6. *Датнер Шимон. Преступления немецко-фашистского Вермахта в отношении военнопленных во 2-й мировой войне. – М.: Издательство «Иностранная литература», 1963. – С. 168–177.*
7. *Корти Э. Немногие возвратившиеся. Записки офицера итальянского экспедиционного корпуса. 1942–1943. – М.: ЗАО «Центрополиграф», 2002. – С. 107–108.*
8. *Великая Отечественная война. 1941–1945: Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – С. 366–367; Бухенвальд. Документы и сообщения: Пер. с немецкого. – М.: Издательство иностранной литературы, 1962. – С. 15.*
9. *Марковчин В.В. Фельдмаршал Паулюс: от Гитлера к Сталину. – М.: Детектив – Пресс, 2000. – С. 286–287.*
10. *«Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии против СССР. Документы и материалы. – М.: Издательство «Наука», 1967. – С. 446.*
11. *Советская Военная Энциклопедия: В 8 т. – М.: Военное издательство, 1977. – Т.3. – С. 260; К. Типпельскирх. История второй мировой войны: Пер. с немецкого. – М.: Издательство иностранной литературы, 1956. – С. 81.*
12. *Александр Верт. Россия в войне 1941–1945: Пер. с английского. – М.: Издательство «Прогресс», 1967. – С. 396–397.*
13. *Адам Вильгельм. Трудное решение: мемуары полковника 6-й германской армии: Пер. с немецкого. – М.: Воениздат, 1967. – С. 216.*
14. *История Второй мировой войны. 1939–1945: В 12 т. – М.: Воениздат, 1976. – Т.6. – С. 81.*

15. Советская Военная Энциклопедия: В 8 т. – М.: Воениздат, 1977. – Т.3. – С. 266.
16. Нюрнбергский процесс: В 8 т. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959. – Т. 3. – С. 104–105.
17. Нюрнбергский процесс: В 8 т. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959. – Т. 2. – С. 600–620.
18. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов: в 7 т. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1958. – Т. 3. – С. 106.

© **Анатолій ЧАЙКОВСЬКИЙ**

ІСТОРИЯ ПОЛОНУ: ТРАГЕДИЯ І ФАРС

На основі порівняльного аналізу розглядається перебування у полоні радянських і німецьких військовослужбовців у роки Другої світової війни. Акцентується на противазі двох ворожих ідеологій у ставленні до військовополонених; засуджується німецька доктрина, яка була неймовірно жорстокою до полонених воїнів Червоної армії.

Ключові слова: Німеччина, Третій рейх, Радянський Союз, Червона армія, Вермахт, військовополонені, концтабори.

© **Anatoliy CHAYKOVSKIY**

HISTORY OF CAPTIVITY: TRAGEDY AND FARCE

On the basis of comparative analysis a stay is examined in a captivity soviet and German servicemen in the years of Second world war. Accented on the counterbalance of two hostile ideologies in attitude toward the prisoners of war; the German doctrine which was incredibly cruel to captive voinov of the Red army is reprobated.

Keywords: Germany, Third reich, Soviet Union, Red army, Vermakht, prisoners of war, concentration camps.